

Аннотация

Кто населяет Землю после глобальной экологической катастрофы? Чья любовь способна пробиться к свету начинающейся Весны? Что узнают о себе немногие из выживших?

Андрей Ливадный Лайбен по прозвищу Стикс

Стояло раннее теплое утро. Красноватое солнце только показало край своего тусклого диска над близкой, изломанной остроконечными контурами скал линией горизонта.

Бледная луна с печальными женскими чертами, которые угадывались на ее округлом лице, истончалась, таяла в светлеющих небесах, зато два ее торопливых

собрата быстро двигались по куполу небес, навстречу встающему светилу, не утрачивая при этом собственного яркого блеска.

Лайбен, сидя на берегу прозрачного ручья, провожал сверкающие шарики лун пристальным, настороженным взглядом. Ему каждый раз казалось, что они должны сгореть в разбухающей на глазах ауре, которую источало встающее солнце, но нет, на закате они появятся вновь и в течение ночи трижды успеют пересечь звездный небосвод, обгоняя свою бледную неторопливую подругу.

«Интересно, они вправду мертвые и холодные, как это утверждает Уром Бледный? — подумал он. — Вот бы хоть раз взмыть туда, ввысь, и самому посмотреть, что творится за прозрачной воздушной оболочкой, хранящей жизнь планеты под своим эфемерным

покрывалом?..»

Пока он размышлял над такой фантастической возможностью, два блестящих, вечно торопящихся куда-то пятнышка медленно растворились в разгорающейся ауре пронзительно багряной зари.

Нет, небеса, конечно же, недоступны. Хотя предания утверждают, что предки могли подниматься туда. Только знания о таких способах перемещения давно утеряны, и некому восстановить их. Мир, демонстрирующий этим утром теплый сонный покой, на самом деле являлся необъятной ареной борьбы за выживание, и ее обитателям не пристало думать о таких пустяках, как небо и звезды.

Лайбен негромко вздохнул, глядя, как искажается его собственное отражение в неторопливо бегущей воде лесного ручья.

Природа вокруг походила на страшную сказку. Большинство образующих лес деревьев были мертвы, их стволы и сучья давно почернели, еще во время столетней зимы, но за последние годы, вместе с ощутимым потеплением, на земле появилась молодая поросль чахлой растительности, которая тянулась к багряному солнцу, цепляясь корнями за размытую дождями почву.

Это еще нельзя было назвать возрождением былой жизни — первенцы, проросшие из чудом сохранившихся в мерзлой земле семян, выглядели низкорослыми, кривобокими, — поди пойми, что перед тобой, росток будущего дерева или недоразвитый побег кустарника?.. У Говарда Мудрого сохранилась старая, довоенная книга с цветными иллюстрациями, повествующая о

природе этого региона Земли, но изображения, запечатленные на нетленной пластбумаге, разительно отличались от реальности дня сегодняшнего.

Единственным, что по-настоящему могло порадовать глаз, был бархатисто-зеленый, травянистый склон, который тянулся на полсотни метров от ручья и заканчивался крутым, осыпающимся обрывом, за краем которого располагался широкий, вымытый тальми водами овраг. Слагающая его стены глинистая почва, с вкрапленными в нее глыбами твердых горных пород, легко поддавалась разрушительному действию воды, от чего обрывистые склоны изобиловали оползнями, а на дне оврага постепенно скапливалось хаотичное нагромождение остроугольных каменных обломков.

Когда после долгой зимы наконец наступило потепление, бывало, целыми месяцами шли проливные дожди. Потоки мутной воды превращали дно оврага в опасную, вязкую, непроходимую топь, но с приходом *настоящего* тепла ливни резко пошли на убыль, солнце подсушило землю, глина высохла, отвердела, и теперь меж хаотично разбросанных внизу каменных глыб отчетливо просматривалась дорога, которую несколько лет назад проторили *дронги*.

Куда вел путь этих созданий, Лайбен не знал. Очевидно, дальше в горы, где среди скал наверняка скрывался один из многочисленных входов в подземный мир, но юноша не стремился найти его, справедливо полагая, что существу, рожденному на земле, нечего делать в сумрачных недрах, где, по преданию, таилась

механическая смерть, однажды разрушившая мир и едва не уничтожившая всех людей. Он довольствовался тем, что благодаря его усилиям дронги перестали пользоваться этой дорогой, проложив для себя иную тропу.

«Всего зла на земле не уничтожить, как не сосчитать количества ветвей на погибших более века назад деревьях...» — так сказал ему Уром Бледный.

Лайбен не стал спорить, но по-прежнему приходил сюда, успев полюбить дикую, немного зловещую красоту этого места. С тех пор как зимы стали короткими, а лето все более длинным, трава и мох быстро заполонили склон, где раньше можно было увидеть лишь камни, накрепко вмерзшие в растрескавшуюся землю. Ему нравилось сидеть на берегу ручья, неторопливо несущего свои воды меж

черных стволов омертвевших деревьев, и размышлять о странностях окружающего его мира.

Он хорошо помнил последние годы столетней зимы — они врезались в память из-за смерти родителей. Лайбен в ту пору был еще слишком неопытен, чтобы помогать им, поэтому он целыми днями сидел в пещере и следил за огнем, пока взрослые надолго уходили в поисках пропитания.

Однажды они не вернулись, а спустя какое-то время вместо них пришел живший неподалеку Уром Бледный. Он принес Лайбену еды и сказал, что его родителей больше нет. По словам Урома, их подстерегли в черном лесу дронги, обитатели подземелий.

С тех пор прошло много лет.

Лайбен возмужал, набрался опыта, сам стал охотником, но, как и Уром, жил в одиночестве. Он люто ненавидел

подземных жителей, и вскоре те научились обходить стороной и черный лес, навек застывший на пологих склонах предгорий, и его ближайшие окрестности.

...Зачерпнув пригоршню воды, Лайбен напился и, подобрав автомат, крадучись подошел к краю обрыва.

Накануне вечером он видел вдалеке неясные проблески, и, по его расчетам, вскоре в овраге должны появиться неожиданные гости, впервые за истекший год рискнувшие воспользоваться проторенной когда-то дорогой.

* * *

Он не ошибся в своем предчувствии. Солнце едва начало пригревать, когда внизу показался небольшой отряд дронгов. Из-за узости извилистого прохода, проложенного между

нагроможденными как попало каменными глыбами, им пришлось растянуться длинной цепью. Впереди, объезжая валуны, продвигалась машина. Плюясь сизым выхлопом и монотонно подвывая на низкой передаче, она медленно ползла по дну оврага, сверху похожая на большого глянцевого жука с ободранными и помятыми боками.

Лайбен не шелохнулся, считая противников.

Пеших дронгов было восемь, ну еще, пожалуй, трое или четверо наверняка сидели в машине.

Интересно, почему они вновь избрали этот путь? — подумал он, ложась на живот у самого края обрыва. — Знают ведь, что им тут дорога заказана...

В душе вдруг вспыхнула злоба. Это чувство сидело глубоко, где-то на уровне инстинкта, и получил его

Лайбен скорее по наследству, нежели в результате жизненного опыта. Так глубоко и яростно ненавидеть мог умудренный, изломанный жизнью зрелый мужчина, но никак не двадцатилетний юноша. В истоках этой ненависти лежала даже не смерть близких людей, которых он едва помнил. Нет, все было глубже, сложнее, но ему не хватало понимания истинной первопричины рождающихся чувств, чтобы придать своим яростным вспышкам какую-то рациональную основу.

Однако непонимание не мешало ему реализовывать глубоко засевшие в душе позывы, полностью отдаваясь им, за что Лайбен и получил свое прозвище: «Стикс». Уром сказал ему, что так в древности называлась река, отделяющая мир живых от мира мертвых. Река не то уносила души

умерших, не то те сами должны были пересекать ее, чтобы попасть в мир небытия. Лайббену не смог с точностью описать суть древнего процесса даже Говард Мудрый — старик, знающий практически все...

Лайббен сильно сомневался, что обитателей подземелий можно причислить к существам, наделенным душой, следовательно, живыми их назвать нельзя, но свое второе имя он действительно *заслужил*, честно сражаясь с порождениями иного, непонятного ему мира, отправив немалое их количество по ту сторону осмысленного бытия.

Стикс... Это слово звучало как резкий звук активированного затвора.

Вот и сейчас палец машинально сбросил предохранитель автомата, нагретый на солнце пластиковый приклад уперся в плечо, прижавшись к

щеке, но Лайбен все еще медлил, разглядывая двухметровые фигуры сквозь прорезь прицела.

Дронги шли в полный рост, не скрываясь, на их телах не было никакой одежды, и они неприятно, матово отблескивали, точно так же, как помятый кузов возглавлявшей колонну машины. Лица дронгов казались одинаковыми, копирующими друг друга, и это вызывало еще более глубокое отвращение к ним.

Настоящие люди так не выглядят.

Лайбен тщательно прицелился и потянул тугую спусковую скобу.

Автомат звонко дернулся в его руках, послав вниз короткую очередь, в глубине оврага, вторя выстрелам, раздался характерный звук прошибаемого навывлет металла, и возглавляющего процессию дронга отбросило в сторону, ударив спиной об

одну из каменных глыб.

Лайбен сноровисто сменил позицию, ползком переместившись за остроугольный обломок скалы.

Подтянувшись к краю обрыва, он заглянул вниз.

Отряд остановился в замешательстве, застреленный им дронг неподвижно лежал там, куда его отбросили пули, остальные исчадия подземелий рассыпались по сторонам, озираясь вокруг с отчетливым, нервным визгом сервомоторов.

Лайбен знал — они вооружены, но не станут стрелять, пока точно не зафиксируют цель. Отсутствие паники всегда являлось неоспоримым преимуществом дронгов, и схватка с ними, по сути, являлась противостоянием выдержки и точности.

Двумя упомянутыми качествами металлические истуканы владели по

определению, а вот человеку зачастую не хватало хладнокровия, чтобы успешно противостоять им.

Однако в этом смысле Лайбен резко отличался от Урома Бледного или старика Говарда. По неведомой прихоти природы, он не ведал, что такое страх. Стикс мог быть рассеянным, мечтательным, любил подолгу сидеть, любуясь оживающей природой, но когда дело доходило до схватки, в нем все будто перерождалось, чувства становились резкими, осознанными, каждое движение, несмотря на вспышки ненависти, несло в себе осмысленность, и это позволяло Лайбену сражаться с машинами практически на равных.

Загадка, на которую он не искал ответа.

Лежа за укрытием, он спокойно наблюдал сквозь небольшую

расселину, как дроны внизу тщетно пытаются отыскать врага. Они вели себя странно: сгруппировавшись подле машины, образовали кольцо, будто хотели прикрыть ее своими телами, и теперь тщетно высматривали затаившегося стрелка посредством крохотных видеокамер, спрятанных за имитацией человеческих глаз.

Лайбен, глядя на них, едва не рассмеялся. Эти механизмы вели себя глупо, не в пример иным формам боевых машин, противоборство с которыми требовало выдержки, мужества и точного расчета.

Наверное, пришлые, раз воспользовались этой дорогой... да и ведут себя как-то странно, — рассудил Лайбен, выпуская две короткие, разящие наповал автоматные очереди.

Один из андроидов повалился вбок,

щедро рассыпая снопы искр из пробитого в нескольких местах корпуса, второму пули попали в голову, расколов металлопластиковый череп на неравные части. Куски декоративного кожуха тут же разлетелись в стороны, оставив на месте только нижнюю часть лица-маски с застывшими навек, плотно сжатыми губами, над которыми теперь торчали поврежденные сервоприводы, похожие на гибкие металлические отростки.

Лайбен успел разглядеть последствия своего огня, пока резво переползал в сторону, но в этот раз ему не повезло: под руку попался податливый участок почвы, вниз предательски посыпались комья глины вперемешку с мелким гравием, и уцелевшие андройды тут же отреагировали на внезапное движение оползня.

Шорох осыпающихся камней

заглушили очереди из автоматического оружия, и пули щедро ударили в гребень отвесного склона, наискось пробивая его тонкую часть.

Лайбен едва успел откатиться от края обрыва — ему показалось, что невидимая смерть выскакивает прямо из-под земли, выбрасывая вверх султанчики рыхлой почвы, одна из пуль чиркнула по бедру Стикса, оставив на нем длинную кровоточащую полосу, другая внезапно пронеслась прямо перед глазами, на миг запорошив их едкой пылью... В воздухе витал сладковатый, тревожащий обоняние запах порванных в клочья травинок...

Стикса здорово разозлил этот запах.

Он уже откатился на достаточное расстояние от предательски осыпавшегося гребня, и противник вновь оказался вне поля зрения. Как он и рассчитывал, андройды тут же

прекратили огонь, понимая, что неведомый стрелок либо мертв, либо ушел за пределы досягаемости их оружия.

Несмотря на удачный исход первых минут схватки, злоба не отпускала, дыхание Лайбена стало частым, прерывистым, он не чувствовал боли, потому что все ощущения сейчас затмевала ненависть к механическим исчадиям, которые уничтожали жизнь в любом ее проявлении, будь то человек, дерево или ласковая, шелковистая трава, чьи семена чудом перенесли столетие непрекращающейся зимы...

Говард Мудрый привил Лайбену трепетное отношение к пробуждающейся природе, и Стикс ни разу не позволил себе сорвать ни одной травинки, только гладил ее, испытывая при этом непередаваемое чувство восторга от соприкосновения с жизнью.

В окружении черных осклизлых стволов мертвых деревьев этот зеленеющий склон казался чудом, знамением необратимых перемен к лучшему...

Ладно... — Он перезарядил автомат, чтобы иметь в своем распоряжении полный магазин, и побежал вдоль ручья, стремясь опередить группу человекоподобных механизмов.

Он знал, что перебьет их всех до одного, чего бы это ему ни стоило.